

ЕВГЕНИЙ ЭРАСТОВ

ПОСТОЮ НАД ОТКРЫТОЮ БЕЗДНОЙ

* * *

Не жалко, что красное лето прошло,
Что сиплая осень нависла,
Что много чудовищных туч нанесло,
И нет уже главного смысла.

Куда ни помотришь — раскосая мгла
Да хамский оскал криминала.
Уже не спасут ни упорство вола,
Ни давняя крепость штурвала.

В убогой стране ничего не спасет —
Ни песня твоя под сурдинку,
Что скажет ответное слово народ
На происки хамского рынка,

Ни вальсы Шопена, ни пушкинский том.
Лишь там, где закат пламенеет,
Краснеет рябина на склоне крутом —
За родину нашу краснеет.

ЭРАСТОВ Евгений Ростиславович родился в 1963 году. Окончил Горьковский медицинский институт и Литературный институт имени А. М. Горького. Публиковался в журналах "Волга", "Москва", "Дружба народов", "Звезда", "Наш современник", "Новый мир", "Сибирские огни". Автор четырех поэтических и трех прозаических книг. Член Союза писателей России. Живет в Нижнем Новгороде.

ОБЕЛИСК ПОБЕДЫ

Стоит со снятой каской,
Уставив в землю взгляд,
Зеленой грязной краской
Покрашенный солдат.

А рядом неубитый
На лавочке сидит
Забитый и небритый
Последний инвалид.

И горько, и уныло,
С оскоминой во рту,
“Зачем все это было?” —
Твердит он в пустоту.

И вновь над облаками,
Над стайкою стрекоз
И волжскими песками
Летит его вопрос.

Он все вздыхает тяжко
В раздумье над судьбой.
Молчат в ответ ромашка,
Полынь и зверобой.

И жгучая крапива,
Ребячьей стаи враг,
И яблоня, и слива,
И зубчатый овраг.

Молчат поля и кручи,
Родимая река,
И траурные тучи,
И с ними облака.

Молчит и ангел горний.
Спасение от бед,
Сам Спас Нерукотворный —
И тот молчит в ответ.

“За что нам эта чаша?
Знать, нет на нас креста.
Деревня вроде наша,
Да родина не та”.

А солнце ярче блещет
И греет сухостой,
И на ветру трепещет
Рукав его пустой.

* * *

Уже трава готовит пышный пир
За зиму истомившейся сетчатке,
И одиозный сталинский амбир
Средь парка прорастает в беспорядке.

И вспоминаешь разговор дождя
С рябой листвой, и сбор макулатуры,
И кепочку картавого вождя
С кусками проржавевшей арматуры.

Тревожный вой взволнованных трибун,
Весомый слог великого грузина.
И затрапезный пролетарский гунн
Со стеклотарой ждет у магазина.

О, как я не любил ходить в строю!
Но, кутаясь в цветное одеяло,
Я знать не знал, что жил тогда в раю,
И газировка в горле застревала.

Как горько мне, что ты пошла на слом,
Эпоха коллективного психоза,
Где гипсовая девушка с веслом
Роняет заштампованные слёзы.

Верни, верни мне свой палеолит,
Страна обмана, ядерный могильник!
Опять клещи несут энцефалит,
И в церкви озабоченно звенит
Бандитской "Муркой" краденый мобильник.

* * *

Царство физической боли,
Снова в твоём я плену.
Я ли судьбой не доволен?
Я никого не кляню.

Возле ворот преисподней
Цербер на ржавой цепи.
Это потом, не сегодня...
Ты потерпи, потерпи.

Лучше уж грязный и пыльный
Мир торгашей и деляг,
Чем пучеглазый, могильный,
Не сокрушаемый мрак.

Боже, спасибо, что были
Прожиты дни не в беде.
Рыбам спасибо, что плыли
В волжской зеленой воде.

Птицам — за то, что летали.
Змеям — за то, что ползли.
Травам — за то, что шептали,
Розам — за то, что цвели.

Звездам спасибо лучистым.
Снегу, что в поле белел.
В мире зубастом, когтистом
Ты ли меня не жалел?

Это не я средь пустыни
Брел по афганской жаре.
Я не взрывался на mine.
Я не горел на костре.

Суп не варил из опилок.
Ночью не полз по горам.
Мне не вкатили в затылок
Девять положенных грамм.

Все свои годы итожа,
Светлое вижу в судьбе.
За испытания, Боже,
Тоже спасибо Тебе.

* * *

После смерти я выйду к реке.
Постою в тишине у обрыва.
Посмотрю, как блестят сиротливо
Огоньки вдалеке.

Вспоминая, что жил среди вас
И глотал этот воздух железный.
В этот тихий, предутренный час
Постою над открытою бездной.

Над любимой рекой постою.
Неужели я здесь лицемерил?
Для того ль в этом темном краю
Я надеялся, чувствовал, верил,

Чтоб какой-то кудрявый урод
Под коммерческий свист уркагана
Загонял полупьянный народ
В виртуальный мирок чистогана?

Все, что было, ушло в Никуда.
Стали прахом багряные флаги.
Сторожит ледяная вода
Затрапезную песню коряги.

Как вы гадки, гроши в кошельке!
Как унылы родные мотивы!
...После смерти я выйду к реке.
Постою в тишине у обрыва.

* * *

На небе дорогом зеленая листва
Колеблется, шумит в неистовой отваге.
Под этот милый шум кружится голова,
Рождаются слова и просятся к бумаге.

Вот так и жизнь пройдет, колеблясь и шурша
Причудливой листвой под тресканье синицы.
Как пламя на ветру, колеблется душа.
Меж ней и той листвой стираются границы.

Хотелось бы прожить не кенарем в пыли,
Не мокрым воробьем, не петушком в навозе...
Как сладко ощущать дыхание земли,
Где гусеничный шелк, где крылышки стрекозьи!

Я слышу — старый дуб шумит над головой
Всей кроной кружевной, во тьме расправив плечи,
Врастая с каждым днем системой корневой
В упругие пласты славянской древней речи.

И кроны тополей упрямый ветер гнет,
И каждый тонкий лист, под дождь подставив спину,
Колеблется, шумит, трепещет, и поет,
И падает в овраг, на вымокшую глину.